

В ФАРВАТЕРЕ “ДИКОЙ РЕКИ”

Корреспондент: Когда вы объявили о вашем участии в фильме “Дикая река”, у многих ваших поклонников это вызвало скепсис: для Стрип это слишком грубо, примитивно. Выразились сомнения — не есть ли это шаг назад в вашей профессиональной карьере? Что вы сами думаете по этому поводу?

Мерил Стрип: Все это я слышала и раньше. Но, что касается карьеры, то я никогда не была озабочена ею в примитивно-обывательском смысле. Другое дело — профессионализм: в определенном (и единственно достойном, по-моему) смысле он и является синонимом состоявшейся актерской судьбы. Для меня “Дикая река” — премьера, хотя, как вы понимаете, в кино я не

новичок. Так почему — премьера? Цель, которая меня интересует сегодня, это создание своего совершенно нового имиджа. Ведь я уже немолода, и если открыть собственную студию мне вряд ли под силу, то отказаться от проекта “Дикой реки” было бы уже уступкой себе, попыткой двигаться по накатанным рельсам. В то же время, принимая новую роль (и тем самым работая на свой новый имидж), уверена — делаю это отнюдь не с тем, чтобы увеличить свою популярность...

— А что вы скажете о фабуле “Дикой реки”?

— Это длинная история. Когда Кертис Хансон предложил мне первый вариант роли, я нашла его слишком прямолинейным и слишком общим. Там

● ● ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Имидж актера складывается из его ролей. Для зрителя зачастую маска роли — это и есть сам актер. Мерил Стрип не вписывается в многочисленную когорту преуспевающих актеров Голливуда, сделавших имя на так называемых фильмах действия. Ее имидж иной. Но неожиданно для своих поклонников она снялась в крутой приключенческой ленте Кертиса Хансона “Дикая река”. Что подтолкнуло актрису к этому?

ведь дело в том, что американская семья — спортивная, рискованная в соответствии с национальным имиджем — отправляется в головоломное путешествие по бурной реке на границе с Канадой. С ними — подозрительные попутчики, бандиты и негодяи, нуж-

● ● ИЗ ПЕРВЫХ РУК

ные для придания драматизма сюжету. Как будто бы все ясно, но мне было непонятно, с чего бы это члены семейного клана приняли такое решение? Пощекотать собственные нервы? Укрепить навык борьбы за выживание в этом мире? Возможно, хоть и не ново. Но, повторяю, все это было выписано в сценарии достаточно общо, декларативно и я, молчаливо поддерживая режиссера, принялась вместе с ним исподволь перерабатывать сценарий, ориентируясь на превращение его в психологический триллер. Ведь “экшн” для меня сам по себе еще не повод, чтобы испытывать перегрузки, связанные с созданием фильмов такого рода...

— Кстати, о перегрузках. Перерабатывая сценарий, вы не стремились подспудно облегчить их?

— Конечно, нет. Тут я не собиралась давать себе поблажек: как говорится, назвался груздем — полезай в кузов. Четыре месяца интенсивной (по три часа в день) гимнастики, плюс — курс йоги. Плюс — драконовский режим питания. Кроме того, я занималась греблей, плаванием. За две недели до начала съемок — поход на плоту по бурному фарватеру не сценарной, а реальной реки — порожистой, своеобразной. Познакомилась с людьми, живущими на реке. Они утверждают, что у женщин большие способности к навигации, чем у мужчин. Не знаю, так ли это, но кое-чему я научилась. Например, по шуму воды, бьющей в плот, по ее завихрениям определять скорость реки, а это — первое условие, чтобы избежать столкновений, буквально выйти сухим из воды. Словом, хотелось услышать от собственных детей по окончании всей этой затеи — “Маман, ну, ты крутая!”

— В “Дикой реке” есть сцена, сыгран-

ная, на мой взгляд, удивительно: Кевин Бейкон (его герой, понятно, — хам и негодяй) угрожает вам, а вы отвечаете ему презрительным, хотя и нервным смехом...

— Да, я там смеялась истерически, — так, как это было бы и в жизни. Отпор агрессии требует нервов. Но смех — это оружие, он, я считаю, выводит противника из себя, дает тебе возможность, как говорится, добавить свою щепотку соли в котелок кипящего супа. Чтоб поостыл... У этой сцены достаточно тонкий психологический подтекст, актер (и зритель) сталкивается с известной эстетической загадкой “отрицательного обаяния”. Кевин Бейкон (вслед за Джексом Николсоном, изобретателем метода) отлично им владеет. Мне важно было что-то противопоставить его напору: я его по-настоящему ненавидела в тот момент и должна была вывести из равновесия. Потому и смеялась в ответ на угрозу. Хотя и истерически...

— Ваши отношения с партнерами — не оказывают ли они на вас угнетающего влияния?

— Нисколько. Правда, первое время я волновалась, чтобы не уронить в их глазах свое реноме. В актерской команде “Дикой реки” и, соответственно, на борту нашего “плавсредства” я была единственной женщиной. Поначалу это в какой-то мере сковывало. Однако, достаточно быстро все актеры превратились в единую дружную команду, мы почувствовали взаимное доверие, и это были наиболее волнующие моменты работы. В целом можно сказать, что на “Дикой реке” я получила незабываемые впечатления. Порой вообще думала не о роли, а как бы выжить в подобной обстановке. В самом простом физическом смысле.

— Вы ранее упоминали о дефиците ролей для женщин так называемого бальзаковского возраста. В этом причина вашего относительно редкого появления на экране в последнее время?

— Должна признаться, доля истины тут есть, что относится и к “Дикой реке”: поначалу мой агент не был удовлетворен характером сценария. Но основная причина в том, что я решила полностью и без остатка посвятить себя семье. Кто-то не поверит, но я даже довольна, когда нет ролей: у меня четверо детей и я хочу быть им настоящей матерью. Я уже прошла середину жизни, и актерские заботы отошли на второй план, хотя, должна признаться, что, как бы ни хотела, приходится отвратиться от семьи ради кинематографа.

— Как вот теперь? Ведь вы уже объявили о своем согласии на участие в фильме “До и после” Барбета Шредера?

— Пока что это всего лишь проект. Его реализация во многом зависит от качества адаптации к специфике экрана одного из романов Розилена Брауна — смелой истории связи мужчины и женщины, держащейся на их чувстве к сыну...

— А что вы скажете о своем последнем фильме “Мосты округа Мэдисон”, где вашим партнером стал Клинт Иствуд?

— В прессе встречаются ссылки на мое заявление о якобы неприятии романов Роберта Джеймса Уэллера, один из которых лег в основу сценария. Но тут игра в испорченный телефон: мне не понравилась одна из его публичных лекций, сам же роман Уэллера меня, как и миллионы других читателей, заинтересовал. Нравится и сценарий, написанный Ронем Бэссом и Ричардом Ла Гравенезе, в нем достаточно пространства для чувств, которые всегда мне были дороги в людях.

— Что является главным условием плодотворности вашей работы? Свобода?

— Я ужасная фантазерка и люблю без помех включать свое воображение, когда работаю над ролью. По чести, это немного. Но как же иначе? Воображение — это почти мой инстинкт, который направляет мой актерский поиск. Вот как было на съемках “Дикой реки”: нужно было рисковать, и воображение помогало представить допустимые границы подобного риска.

По материалам парижского
корпункта ВИДЕО-АСС